

ческой серией «Жизнь пламенных революционеров» (его отчасти можно оправдать тем, что Климова и вправду была пламенной революционеркой), это очень хорошая книжка. Во многом именно из-за такого восторженного отношения автора к своей героине, иногда доходящего до совершенной наивности, до каких-то прямо обид за Климову на давно уже умерших людей. Например, про

Наталья Климова, Петербургская пересыльная тюрьма, 6 апреля 1908 года

Мережковского с Гиппиус, которым Климова, встретившаяся им в Париже в 1910 году, не понравилась, он пишет, что «они оказались слепы, пройдя мимо яркого, глубокого и талантливого человека».

Такое отношение автора к героине делает книгу Кана подлинным романом, а не просто биографическим исследованием. Хотя даже сухого изложения фактов ее биографии достаточно для того, чтобы захватило дыхание. Она родилась в 1885 году в Рязани в семье присяжного поверенного, впоследствии видного

любви — у нее завязался роман с руководителем (и основателем) Боевой организации Михаилом Соколовым.

Климова любила Соколова без памяти и, много лет спустя, именно его, а не мужа, вспоминала на смертном одре. При этом в ее страсти можно усмотреть некоторую тенденциозность. «Союз Климовой и Соколова заставляет вспомнить о романе Софьи Перовской и Андрея Желябова — двух ключевых фигур в „Народной воле“. Причем совпадает многое: обе девушки — Климова и Перовская — происходили из дворянских семей, их отцы занимали видные государственные должности, для обеих вспыхнувшее чувство было первым в жизни, их возлюбленные являлись лидерами боевых групп и имели мужицкое, крестьянское происхождение, наконец, в обоих случаях любовь развивалась почти буквально у подножия эшафота, и влюбленные заранее обрекали себя на скорую гибель».

И даже точно так же, как Перовская после задержания Желябова, Климова после ареста Соколова (он был взят через несколько месяцев после покушения и очень быстро казнен) пытается организовать цареубийство. Она курсирует между конспиративными квартирами, запасается взрывчаткой и не замечает слежки. 30 ноября 1906-го она была схвачена агентами охранного отделения.

Через месяц после своего невероятного побега Климовой удалось под чужим именем отправиться на поезде в Сибирь, а оттуда в Китай. Вместе с геологической экспедицией она пересекла пустыню Гоби, добралась до Токио и там села на пароход, направлявшийся в Европу.

С 1910 года Климова жила во Франции, общалась в основном с оказавшимися там эсерами (некоторое время близко дружила с Савинковым), вышла замуж за одного из них, Ивана Столярова, родила трех дочек (старшая девушкой уехала в Советский Союз, восемь лет провела в лагерях, а позже стала секретарем Ильи Эренбурга). Наталья воспитывала их,

очень большое и важное, что мне дала ленивая и пьяная Россия, и что это что-то есть самое большое и важное на свете».

В августе 1918-го Климова внезапно решила уехать с детьми в революционную Россию (муж ее уехал туда еще до этого, но отъезд семьи не планировался). Она добралась до Парижа, добилась места на пароходе и слегла от испанки, страшного гриппа, от которого за год погибло в несколько раз больше людей, чем на полях Первой мировой войны. 26 октября она умерла. Ей было 33 года.

Короткая жизнь Климовой поражает не только своей поразительной насыщенностью, но и удивительной созвучностью времени, в котором она жила.

Климова была поклонницей одновременно (!) Толстого и Ницше, писала стихи в стиле Бальмонта и занималась тригонометрией.

Она страдала от отсутствия справедливости и сочувствовала обездоленным («Постоянный глубокий разлад между понятиями „истина“, „справедливость“, „должное“ и общественными нравами, экономическими и государственными принципами российской действительности. Он всюду и везде... В виде голодных босяков, истощенных рабочих на улице города и в виде разряженных, упитанных, тупо-самодовольных питерских автомобилистов... и в виде голодного, вырождающегося мужика... и в виде либеральствующего барина „конституционалиста“, и в виде стонущей и вялой интеллигенции»). И относилась к этим беднякам чуть ли не с презрением. («Я поразились убожеством бедных людей. Чем они живут! Сонные, тусклые, бесцветные. Томятся тоской и ничего не могут сделать. Они не смеют дерзать, боятся делать то, что подсказывает им совесть, разум. Они целиком ушли в свои копеечные расчеты».)

До прихода простейшего из лозунгов «Грабь награбленное!» русская революционность была явлением сложным, и Климова эту сложность как будто персонифицирует.

При этом никак нельзя отнестись к этой фигуре только как к слепку одной, хоть и знаменательной эпохи. Многие в ней резонируют с русской жизнью всегда и с русской жизнью сегодня. Романтическая, хоть и вполне убийственная деятельность эсеров и максималистов была во многом деятельностью «хороших девочек». В сноски к книге о Климовой подробно приводятся биографии множества этих дочек приличных родителей, отказавшихся от всего и ушедших в смертельно опасную жизнь. Их бунт был более окончательным, чем мужской — он требовал полного отречения, не только от касты, но и от предписанного и запрограммированного другими «женского».

Среди фотографий, помещенных в книгу Григория Кана, есть одна, где Климова снята с перековавшейся в революционерки надзирательницей Александрой Тарасовой и эсеркой Вильгельминой Гельмс (всем им на тот момент не больше 25). Молодые женщины с некоторым вызовом смотрят в камеру: и современному зрителю даже оторопь берет — настолько они похожи на девушек из Pussy Riot. То есть сначала вздрагиваешь, а потом говоришь себе: ничего удивительного — этот тип вечен.

«Судьба Натальи Климовой касается великой трагедии русской интеллигенции», — писал Шаламов. Это уже звучит довольно высокопарно, но этого недостаточно. Ее судьба касается русской трагедии вообще.

Григорий Кан. «Наталья Климова. Жизнь и борьба». СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2012

КУРСИРУЕТ МЕЖДУ КОНСПИРАТИВНЫМИ КВАРТИРАМИ, ЗАПАСАЕТСЯ ВЗРЫВЧАТКОЙ И НЕ ЗАМЕЧАЕТ СЛЕЖКИ

члена партии октябристов, члена Госсовета. В 1903-м — уехала в Петербург на курсы. В 1906-м — вступила в Боевую организацию максималистов, участвовала в организации нападения на Госсовет, где заседал ее отец (которого она никогда не переставала любить и которому впоследствии писала из тюрьмы нежнейшие письма). Когда императорским указом работа совета была приостановлена, максималисты решили устроить взрыв на служебной даче Столыпина. Одну из бомб, которыми были нагружены террористы-смертники, Климова привезла на конспиративную квартиру на извозчике. Короткое время своей революционной деятельности Климова всегда считала лучшим в жизни. «То была жизнь полная, яркая. Были брани, печать борьбы», — писала она впоследствии. Дело было не только в «бранях», но и в

вела хозяйство и ненавидела все это до последней степени. В одном письме она писала: «Дочка криком дергает меня целый день, и я теряю голову... Отупела до последней степени... Ей-ей, с сожалением вспоминаю о тюрьме — там не было внутреннего стыда, там хоть человеком себя чувствовала, а теперь, кроме отвращения к себе, ничего не испытываешь...» А в другом: «Заграницу я не люблю. Не понимаю и не хочу понимать самой основы, души ее, и поэтому она навсегда останется чужой. Я удивляюсь ее культуре, ее электричеству, дорогам, богатству и чистоте. И больше всего удивляюсь трудолюбию ее жителей. Здесь все и всегда работают, как крепостные, без праздников и отдыха... Я восхищаюсь ими и чувствую себя бесконечно чужой им... Я знаю, что я имею что-то, чего нет у них, что-то